

Без тщательного отбора

Случайно узнав об измене своей жены Марго, Тони Вендис напикает тешного дельца Лесгейта, чтобы убить ее. Вендис намерен завладеть принадлежащими ей значительными средствами. Вдобав Вендис и Лесгейт ведут долгую беседу, обсуждая мельчайшие детали предстоящей «операции»: как совершить преступление, чтобы оно осталось нераскрытым, чтобы не было никаких следов.

Преступникам не удалось осуществить свой замысел. Марго Вендис выступает в единоборстве с напавшим на нее ночью Лесгейтом и сама убивает его. Но теперь ее обвиняют в убийстве.

А дальше? Дальше все действие направлено к распутиванию так называемого узелка. Заканчивается все, конечно, благополучно: Тони Вендис пострадал, разоблачен.

Трудно поверить, чтобы такой типичный для буржуазной литературы детектив мог появиться на сцене советского театра. И тем не менее он появился—появился на сцене Калининского областного театра драмы. Мы имеем в виду спектакль «Телефонный звонок».

Отличительной чертой театра в течение длительного времени являлась смелость в решении творческих вопросов, постоянные поиски, тщательный отбор репертуара. Нельзя забывать, например, что он первым на театрон познакомил калининцев со многими лучшими произведениями советских драматургов, такими, как, «Русский вопрос» К. Симонова, «Жизнь в ожидании» А. Якобсона, «Любовь на рассвете» Я. Гамана. Театр приглашал немало уезжав к тому, чтобы довести до конца не завершено безразлично умершим драматургом Н. Ветулупину пьесу о выдающемся государственном деятеле нашей страны М. И. Калинин. Отразило, что театр был удостоен чести показать спектакль «Годы минувшие», созданный по этой пьесе, на сцене Академического Малого театра в Москве.

Б сожалению, стремление театра поста-

Заметки о репертуаре областного театра драмы

вать первым те или иные произведения стало едва ли не самоцелью и привело к серьезным творческим просчетам и неудачам.

Главным, определяющим в работе театра должно быть не то, каким по счету поставил он ту или иную пьесу, а то, что нового сказал он своими спектаклем зрителю, какие чувства пробудил в нем, чем обогатил его.

С этой точки зрения спектакль «Телефонный звонок», о котором речь шла выше, конечно, не может быть заявлен в актив театра, хотя он и поставил пьесу Ф. Нотта первым. Внешне занимательный, интригующий спектакль после просмотра его оставляет досадное чувство неудовлетворенности.

— Смотрим спектакль с интересом, а кончается он — и создается впечатление, будто тебе в душу напалывали, — сказала, выходя из театра, работница прикладной фабрики Калининского хлопчатобумажного комбината. — Я жалею, что пошла на этот спектакль...

Культовый уровень советских людей значительно вырос, а театру надо этого учитывать это при отборе пьес для сценического воплощения. Последние работы театра убедительно говорят о том, что он подходит к постановке пьес без тщательного отбора.

Сталя новую пьесу, работники театра обязаны всесторонне раздумать, в каком соотношения спектакль, поставленный по этой пьесе, будет находиться с другими спектаклями, уже созданными театром, какие новые идеи прозвучат со сцены, какие новые стороны нашей многогранной действительности откроются перед зрителями, какие новые мысли и чувства будут пробуждены в их сознании и сердце.

Театр, конечно, верно поступил, что в

свое время поставил умную, психологически насыщенную пьесу А. Арбузова «Таня». Был создан интересный возмущающий спектакль. А через некоторое время на сцене театра появлялся спектакль «Любовь Ани Березко», поставленный по пьесе В. Пистолкина. Пьеса эта не лишена достоинств, но появление ее на сцене, наряду с арбузовской «Таней», конечно, неправомерно: эти пьесы написаны на одну тему и в значительной мере повторяют друг друга, судьба их героев одинакова. Автору этих строк однажды пришлось услышать такой разговор двух девушек: — Скажи, Вера, «Любовь Ани Березко» — хороший спектакль?

— А ты смотрела «Таню»? — вопросом на вопрос ответила подруга.

— Смотрела.

— Тогда не ходи: одно и то же.

Это — серьезный упрек театру! Но, может быть, это единственное и случайное совпадение? Б сожалению, нет, не единственное и не случайное. Только нетребовательным отношением к отбору пьес можно объяснить появление на сцене подряд одного за другим спектаклей «Несчастный случай» и «Телефонный звонок». Безделье же было не заметить, что, написанные на разном материале, обе пьесы по существу говорят об одном — о преступниках и способах их разоблачения! Одну и ту же тему несут зрителям, одну и ту же тему пробуждают у них спектакли «Что личное дело» и «История одной любви», в основу которых положена семейно-бытовая драма.

В театре немало говорят об оставлении нашей драматургии. Да, оставление драматургии от жизни, от вопросов советских читателей и зрителей имеет место, об этом у нас много и говорится, и пишется. Но бесспорно и то, что театр не всегда умеет выбирать лучшее из написанного советскими драматургами. Поставив одну за другой ряд однотемных, порой довольно слабых пьес, театр вместе с тем не заметил многих значительных в идейном и художественном отношении произведений

советской драматургии, таких, к примеру, как «Брилья» А. Корнейчука, «Персональное дело» А. Штейна, «Сердце не прощает» А. Софранова.

Важным источником пополнения и обогащения репертуара является работа с местными авторами. Театрам сейчас предоставлены широкие возможности для постановки пьес местных драматургов, но наш театр слабо использует эти возможности. Правда, после многолетнего перерыва в работе с местными драматургами поставлена пьеса П. Званицера «Чистая совесть». Но если внимательно в детали постановки этой пьесы, то можно сделать вывод: не столько о внимании театра к местным драматургам, сколько о равнодушии к ним. Пьеса лежала в портфеле театра около двух лет. Если бы в течение двух лет велась работа над пьесой, то в этом, пожалуй, не было бы еще ничего плохого. Но беда в том, что она просто лежала. О пьесе говорили в Москве, ее обсуждали на совещаниях начинающих драматургов. А в театре, где работает сам автор, до пьесы ни у кого «руки не доходили». Потом, видно, в театре поняли, что это в самом деле нехорошо, и, спохватившись, в спешном порядке поставили пьесу. Получился неплохой спектакль, но он мог бы быть значительно лучше, если бы не было такой спешки, если бы все то время, что пьеса лежала без движения, театр вместе с автором упорно и кропотливо работал над улучшением пьесы, над обогащением языка ее персонажей.

О равнодушии театра к местным драматургам убедительно говорит отношение его к пьесе Вас. Каянскога «Дунай течет на Восток». Вначале руководители в режиссеры театра горячо облюбовали пьесу, предлагали заключить договор на ее постановку. Но стоило одному из трех рецензентов не согласиться с отдельными положениями пьесы, как в театре внезапно охладели к ней и к ее автору, руководствуясь, вероятно, принципом: «Как бы чего не вышло!»

Пренебрежительное отношение к работе с местными драматургами видно также на отношении к пьесам А. Наренкова и Н. Грешняева, П. Дудюкина. Так, пьеса П. Дудюкина «Волжские берега» обсуждалась в коллективе театра еще в начале

1954 года. Все выступавшие, сделавшие некоторые критические замечания, в один голос говорили:

— Пьесу надо ставить!

Это окрыляло автора. Он в соответствии с критическими замечаниями переработал пьесу, значительно улучшив ее, и снова ставил в театр. Пьеса как в воду канула: более двух лет в театре хранят грубое молчание по отношению к пьесе и ее автору: не говорят, что пойдет, и не отвергают, — просто отмахиваются!

Мы отнюдь не хотим называть театру ту или иную пьесу, отнюдь не хотим сказать, что надо ставить любую, даже слабую пьесу только потому, что она написана местным драматургом. Нет, конечно. Если пьеса плоха, ее просто следует отвергнуть и прямо, открыто сказать об этом автору; если пьеса представляет интерес — коллективными усилиями помочь автору ее доработать. Но нельзя просто замалчивать пьесы местных авторов, относиться к ним с пренебрежением и безразличием!

В театре немало жалеют сейчас голову над тем, почему спектакли идут при полупустом зале. Главное зло при этом вилят в широком развитии телевидения. Действительная же причина, на наш взгляд, состоит в том, что в театре сейчас очень мало интересных, хороших спектаклей, в нем определенно наметилась опасная тенденция поверхностного, непродуманного отношения к отбору пьес для постановки. Не укрывает, конечно, репертуара театра почти полное отсутствие в нем лучших произведений классиков русской драматургии.

В немалой мере на плохой посещаемости театра сказывается и то, что его работники в последнее время ослабили связь со зрителями, не проводят встреч с ними, конференций по обсуждению спектаклей.

Коллектив Калининского театра — сильный творческий коллектив. Есть все основания надеяться, что он сумеет преодолеть недостатки в своей работе, сумеет в дальнейшем продолжать Калининцев полноценными в идейном и художественном отношении спектаклями, спектаклями большого общественного звучания.

Г. АСТАФЬЕВ.